

выполнением замысла, автор просит ... сообщать ... свои замечания по адресу: Москва, Большая Семеновская улица, 38, МАМИ».

Литература

1. Вероятно, информация из личного дела А.В. Панкина была использована при написании биографической справки, опубликованной в кн.: Московский государственный технический университет «МАМИ» / Род ред. А.В. Николаенко, В.А. Серебрякова. М., 2010. С. 789.
2. Михайловская артиллерийская академия. Памятная книжка на 1903 г. Спб., 1904.
3. Панкин А.В. Работа ветряных двигателей и эксплуатация энергии ветра со статьей о началах аэродинамики. Спб., 1904.
4. Михайловская артиллерийская академия. Памятная книжка на 1912 г. Спб., 1913.
5. Устройство и работа железодельного завода. Пропедевтический курс прикладной механики, механической технологии и сталелитейного дела. СПб.; МАУ, 1906; Шариковые и роликовые подшипники. Дополнение к курсу старшего класса «Детали машин». СПб.; МАУ, 1907; Исследования групповой электрической передачи // Артиллерийский журнал, 1907, № 12.
6. НИОР РГБ, ф. 218, оп. 1, д. 304.
7. История военной академии РВСН имени Петра Великого в 4 тт. М., 2000. т. 1.
8. Цит. по: Головин Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2000. с. 30.
9. Черняк А.Я. С.Н. Ванков. 1858–1937. М., 1984.
10. История организации Уполномоченного Главным артиллерийским управлением по заготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора С.Н. Ванкова. 1915–1918. М, 2000.
11. Труды Московского механического института им. М.В. Ломоносова. М., 1926, вып. 1.
12. Труды Горьковского индустриального института. Горький, 1940. Т. 3, вып. 1.
13. БСЭ, 3-изд. М., 1974. Т. 18.

Семейная самостоятельность крестьянства нечерноземной деревни в контексте экономической практики и законодательной политики второй половины XIX в.

к.и.н. доц. Зозуля О.А.
Университет машиностроения
ozozulya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной проблеме крестьянских семейных разделов, происходивших в нечерноземной деревне во второй половине XIX в. Автор анализирует реальную экономическую действительность и противоречивое российское дореволюционное законодательство, которое сохраняло тенденцию административного регламентирования внутренней жизни и экономической свободы крестьянской семьи. Автор приходит к выводу, что наступающая индустриальная эпоха, а не правительственные распоряжения и инициативы дворян-чиновников определяла направления трансформации одного из основополагающих традиционных институтов российского крестьянского социума.

Ключевые слова: крестьянство, нечерноземная деревня, семейные разделы, мелкотоварное хозяйство, законодательство пореформенной эпохи

Социально-экономическое исследовательское пространство в парадигмальных рамках новой локальной истории, набирающей силу на рубеже XX–XXI вв., значительно расширило проблемное поле изучения крестьянского хозяйства. Исследование социально-экономических институциональных изменений в русской деревне анализировалось в направлении перехода от изучения региональных процессов к анализу локальных структур в контексте социокультурных изменений. На повестку дня были поставлены вопросы изучения

менталитета русского агрария, изменения его образа жизни и традиционного быта под влиянием наступающего века пара и машин [1].

Противоречивая пореформенная эпоха, начало которой было положено реформами 60–70 гг. XIX вв., изменяла картину мира российского крестьянства, сложившуюся в рамках вековой хозяйственной практики в сложных природно-географических условиях малопродуктивной нечерноземной деревни. Формирующийся рынок труда оказал значительное влияние на патриархальные внутриобщинные и внутрисемейные устои, а противоречивое российское законодательство отразило сложившуюся в правительственных кругах тенденцию сохранения административного регламентирования ограничительного характера, регулирующего внутреннюю жизнь и экономическую свободу крестьянской семьи. Экономическая практика и законодательная политика пореформенной России отражали обозначившиеся противоречия переходного периода.

С развитием товарно-денежных отношений сфера их влияния неуклонно углублялась, захватывая все новые и новые институты традиционного общества: семью, артель, общину. Крестьянская семья и до и после реформы рассматривалась, прежде всего, как важная системообразующая хозяйственная единица, что определяло актуальность изучения основных направлений ее трансформации в пореформенный период. Сопоставление законодательства конца XIX века, дискуссии по вопросу семейных крестьянских разделов и данных, собранных земскими статистиками, показывают объективные и субъективные характеристики поиска того оптимума, который позволял вести самостоятельное стабильное мелкотоварное хозяйство в пределах нечерноземного промышленного региона.

«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 19 февраля 1861 г. формально закрепляло за крестьянами права свободных сельских обывателей: на крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространялись общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных, крестьянам предоставлялось право занятия любой хозяйственной деятельностью, не запрещенной законом, а именно: торговать, открывать промышленные заведения, вступать в гильдии, торговые разряды, переходить в другие сословия, соответствующие избираемому ими роду жизни и занятиям, отлучаться с места жительства, поступать в общие учебные заведения и на государственную службу [2]. Вместе с тем полнота личных прав, закрепленных в документах реформы, на деле оказалась весьма ограниченной.

Во второй половине XIX в. крестьянам в полной мере не удалось воспользоваться ни одним из «трех «драгоценных» видов прав», которые, по мнению либерально настроенного тайного советника И.М. Страховского, считались «обыкновенно неотъемлемой принадлежностью свободы личности: 1) права семейного самостоятельности, или право своего домашнего очага, ... 2) право передвижения и 3) право свободного избрания рода жизни и занятий, соответственно естественным наклонностям, способностям и личному труду» [3, с. 181–182]. Более того, законы 1880–90х гг. по крестьянскому вопросу свидетельствовали о стремлении законодателя сохранить правовую обособленность российского крестьянства. Крестьянин по-прежнему был приписан к обществу (общине), что вместе с круговой порукой гарантировало государству выполнение повинностей и уплаты налогов. Действовавшие паспортные правила ограничивали свободу передвижения сельских жителей. Новое Положение о видах на жительство 1894 г. сохранило неравноправное положение непривилегированных сословий в отношении паспортного режима и податное значение паспорта для них [4, с. 583].

И.М. Страховский обращал внимание на то, что наиболее болезненный вопрос с точки зрения ущемления личных прав крестьянства, был вопрос, связанный с семейной самостоятельностью. При крепостном праве выделение из многочисленной семьи отдельных семейных единиц по общему правилу не допускалось. Помещики сохраняли большие «многоглыбые» семьи в первую очередь из соображений хозяйственной целесообразности. В больших семьях лучше работал принцип разделения труда, они были устойчивее в отношении выплаты оброка и отбывания барщины. В статье И. Игнатовича в журнале «Русское бо-

гатство» приводился пример рассуждений некоего помещика Вилькинса, который, ссылаясь на собственный удачный опыт, советовал и другим помещикам соединять в одно хозяйство несколько, не менее четырех, тягловых женатых работников. Последние вместе с семьями должны были жить в одном дворе, есть за одним столом, вместе содержать скот, владеть и распоряжаться орудиями и запасами, то есть иметь общее движимое имущество.

Предполагалось, что над каждым таким хозяйством помещик должен был назначить начальника, который полновластно распоряжался всеми работниками сводного хозяйства, отвечал за качество работы, за нравственность, и за детей работников как за своих собственных [5, с. 55]. В этом описании, а стоит обратить внимание на тот факт, что оно было опубликовано в 1900 г., отчетливо просматривается не только негативное отношение дворянского сословия к крестьянским разделам, но и огромное желание сохранить за собой право распоряжаться судьбой бывших крепостных. Обильный документальный материал, относящийся к эпохе крепостного права (а также литературные произведения), содержит многочисленные описания трагедий, происходивших в крестьянских семьях вследствие вмешательства в их личную жизнь помещиков и «по закону» и в порядке «злоупотребления помещичьей властью».

Ограничение семейных разделов сохранилось в качестве общего направления владельческой попечительской политики в отношении подвластных крестьян в период крестьянской реформы. При составлении Общих положений 1861 г. Редакционные комиссии избрали путь перенесения многих помещичьих прерогатив на крестьянский «мир». Рассматривая крестьянский двор как податную единицу, они стремились сохранить ее платежеспособность не только за счет круговой поруки, но и сохранив временной контроль общины над отдельными ее членами. В полной мере это положение относилось и к крестьянским разделам, разрешение на которые было отнесено к праву сельских сходов. До 1886 г. законом предусматривалось, что разделы должны были производиться только по письменным приговорам сельских обществ, принимаемых простым большинством голосов. Это законодательное требование, практически мало выполнимое, либо не соблюдалось, либо соблюдалось для проформы. С 1861 по 1882 гг. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2371 крестьянских семейств, но только 12,8 %, то есть 303149 разделов было произведено с санкции сельских обществ [6, 23].

Основанием для введения в положение 1861 г. ограничения свободных семейных разделов послужили фискальные соображения чиновников, которые считали, что «на первое время после эмансипации, пока крестьянские общества связанные обязательным землепользованием и круговой порукой, должны были напрягать все усилия для перехода к новым формам экономического быта, контроль общества за изменениями в составе платежных его единиц, т.е. дворов, мог быть необходим для интересов общества» [3, с. 83].

Министр внутренних дел Д.Л. Толстой в отчете Госсовета отмечал, что «дозволения на разделы давались сельскими сходами весьма осторожно и что, таким образом, надежда на сдерживающую по отношению к разделам деятельность сходов была вполне основательна». Причину, мешавшую развитию этой «полезной тенденции сходов», глава МВД видел в несовершенстве законодательства и предлагал новый закон, который устанавливал более сложные правила для разделов. Он аргументировал свои предложения тем, что большая семья есть экономическое благо, а малая – зло, поэтому семейные разделы должны быть «всемерно ограничены». Новый закон 18 марта 1886 г. [7], по мнению защитников сохранения патриархальной традиционности, создавал препятствия на пути «ослабления численного состава крестьянских семейств, являвшееся последствием такого чрезмерного развития разделов и возникновения множества новых семейств, не обладающих необходимыми материальными средствами» [8, с. 471].

Иного мнения придерживались прогрессивные государственные деятели: они обращали внимание на тот факт, что закон, «не полагаясь на здравый смысл русского народа», установил целый ряд формальных требований для семейных разделов, подчинил этот процесс не

только контролю со стороны общины, но и ставил его в зависимость от учреждений по крестьянским делам, а конкретно – под надзор земских начальников. Согласно ст. 30 Положения о земских начальниках 1891 г. они могли рассматривать все приговоры сельских сходов, не исключая приговоров о семейных разделах, тем самым создавалась ситуация, когда «судьба большинства семейных разделов оказывается в настоящее время всецело в руках земских начальников» [3, с. 189].

Между тем, еще в 1883 г. в статье о значении кустарных промыслов известный отечественный статистик С. Харизоменов метко замечал: «Но для кого не тайна, что обычное право имеет силу только в глазах крестьян среднего экономического уровня. Крестьянин, промышленник и торговец, прекрасно знаком с векселями, нотариальными актами и законами, презирает мир и посмеивается над глупыми обычаями... Не мир, а X том свода законов и завещательное право делят имущество богатых мужиков. Непокорного сына богатый крестьянин всегда может отпустить ни с чем и никакой мир не в силах поставить ему препон». И далее, приводя пример Кудыкинских светелочников, зажиточных крестьян, владельцев помещений для организации ткацкого производства в центре бумажного ткачества Покровского уезда Владимирской губернии, он пишет: «Помимо авторитета домохозяина, семейные разделы у богатых промышленников сдерживаются естественным стремлением не раздроблять производства. Многосемейность Кудыкинских светелочников составляет одну из главных причин их промышленно-экономической силы. Самый же факт многосемейности в свою очередь обуславливается многочисленными моментами, в числе которых далеко не последнюю роль играет желание семьи светелочника сохранить, не разъединить, не раздроблять капитала, необходимого для ведения бумаго-ткацкого дела...» [9, с. 565].

О низкой эффективности принятого закона свидетельствовали данные, которые удалось получить Земскому отделу МВД: почти одна треть всех разделов совершалась явочным порядком, без разрешения сельских сходов. В отношении самовольно разделившихся семей власти пытались применять разного рода кары. Так, Пензенское губернское присутствие сообщало о том, что «в нескольких уездах Пензенской губернии члены семейств самовольно разделившихся привлекаются к ответственности и подвергаются административным взысканиям, а в некоторых случаях принимаются меры к соединению самовольно разделившихся в одну семью» [6, с. 27]. Применялись и другие ограничительные меры: признание разделившихся семей за одну при отбывании воинской повинности или, например, за единую платежную единицу, с ответственностью друг за друга в платежах и т.д., однако практическая значимость подобных мер была невысока.

Что касается крестьянских сельских обществ, то они крайне редко прибегали к запрещенным разделам, считая их, очевидно, фактически бесполезными. Так, в Ярославской губ. в 1897 г. из 1080 приговоров в 942 случаях сходы согласились на раздел и лишь 38 семьям было отказано в разделе. И сами власти, понимая всю эфемерность такого рода акций, не стремились широко пользоваться правом отмены приговоров о разделе, поэтому из числа приведенных выше 942 приговоров уездные съезды решились отменить только 71 приговор, в том числе 25 по жалобам сторон, а 40 – «в порядке надзора». Причины отказа выхода были различными, что отчетливо просматривается на примере Вологодской губернии. Так, в 1897 г. из 1149 рассмотренных сходами заявлений только по 34 последовали отказы, в том числе в 17 случаях за несогласием родителей, в 15 случаях – по недостатку имущества и в 2 – за неисправностью отбывания повинностей [6, с. 25].

Низкая эффективность закона о семейных разделах признавалась большинством представителей местных властей и общественных деятелей. Тамбовское совещание прямо говорило, что указанным законом «цель не достигнута, ибо всякий закон, идущий вразрез с требованиями жизни, всегда будет так или иначе обходим» [10, с. 23].

Представляются интересными в этой связи данные, собранные известным статистиком П.А. Вихляевым по ряду уездов Московской губернии. Он отмечал что, в начале XX в. реальная совокупность хозяйственных условий создает как верхние, так и нижние пределы, в

которых формируется крестьянская семья, участвующая в местном земледельческом производстве. Семья представляла собой «хозяйственное сотрудничество» промысловых и земледельческих сочленов, которое позволяло вести самостоятельное хозяйственное существование в пределах Московской губернии. Земский статистик писал: «Когда численный состав такого семейного сотрудничества представляется слишком малым, чтобы осуществить отмеченное разделение земледельческого и промыслового труда отдельных членов семьи, выбор между земледелием и промысловым заработком неизбежно складывается для преобладающего большинства крестьянских семей в пользу промыслов, что при наличии преобладания отхожих промысловых занятий ведет к выселению из деревни в местности приложения промыслового труда. Точно так же при нарастании средних размеров крестьянской семьи нарушается равновесие между трудовыми требованиями земледельческого хозяйства и наличным запасом рабочих сил, которыми располагает семья, последовательно выделяющая из своего состава промысловых сочленов... Такой состав семьи, не вызываемый хозяйственными потребностями этой семьи, неизбежно создает неустойчивость в ее положении и ведет к семейному разделу» [11, с. 50–51]. Измельчение семей до 3 человек чаще приводило к выселению из деревни. Устойчивость в отношении сохранения связи с традиционной принадлежностью к деревенской жизни и сельскохозяйственному труду показывали семьи, состав которых определялся границами 7–10 человек [11, с. 48–49]. Таким образом, ни правительственная регламентация, ни решения сельских сходов, а сама хозяйственная жизнь определяла оптимальные размеры семьи в том или ином регионе.

Современные исследователи социальных и демографических процессов в дореволюционной России резюмировали, что объективный процесс перехода от патриархальной к нукlearной семье к концу XIX – началу XX вв. приобретал все более реальные формы и не мог быть остановлен волевыми официальными решениями правительства [12], что нашло отражение в ситуации с законом о семейных разделах. Закон 1886 г., который показал свою малую практическую значимость, вызывал раздражение крестьян и только усиливал в деревне оппозиционные настроения по отношению к властям.

Преодоление несовершенства законодательства по крестьянскому вопросу, наряду с разрешением важнейших экономических проблем (аграрного перенаселения, земельной тесноты, выкупных платежей), было отложено на начало XX в. и происходило уже в совершенно иных революционных условиях. В порядке чрезвычайного-указного законодательства по 87 ст. Основных законов Российской империи 5 октября 1906 г. был издан Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», в котором говорилось об освобождении сельских обывателей от мелочной административной опеки и зависимости от сельского общества не только в плане свободы выбора занятий или места жительства и снятия многих ограничений паспортного режима, но, в частности, и об отмене особых постановлений о порядке разрешения семейных разделов, закрепленных в ст. 38–46 особого приложения IX тома Свода законов в редакции 1902 г. [13, с. 13–14].

Дальнейшая судьба этого указа оказалась достаточно сложной. Как законопроект он был внесен П.А. Столыпиным во II Государственную думу, однако до ее закрытия не рассмотрен. Законопроект был передан на рассмотрение в III Государственную думу и направлен в комиссию по законодательным предложениям, доклад которой по данному вопросу думцы опять не рассмотрели. Исполняя наказ предыдущей Думы, новая, четвертая Дума вновь вернулась к рассмотрению законопроекта. На этот раз его передали на рассмотрение в комиссию по судебным реформам, доклад которой нижняя палата законодательного органа завершила обсуждать в июне 1916 г. Государственная дума 18 июня 1916 г. приняла законопроект и передала его в редакционные комиссии, откуда документ поступил в Государственный совет, который не успел обсудить его до февраля 1917 г. [14, с. 701–702].

Анализ законодательных документов и реальной экономической действительности, в рамках которой оказалась крестьянская семья, занимавшаяся кустарным производством в

конце XIX в., позволяет сделать вывод о том, что непосредственно сама наступающая индустриальная эпоха, а не правительственные распоряжения и инициативы дворян-чиновников определяла направления трансформации одного из основополагающих традиционных институтов российского крестьянского социума.

Литература

1. Безгина В.Г. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004; Милов Л.В. Великорусский пахарь. М., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. т. 1. СПб., 2000.
2. Полное собрание законов Российской империи. Изд. II. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст.1, 2.
3. Страховский И. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1903.
4. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начала XIX века). М., 2010.
5. Игнатович И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения // Русское богатство. 1900. № 10.
6. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904 гг. М., 1980.
7. Полное собрание законов Российской империи. Изд. III. Т. VI. № 3578.
8. Тернер Ф.Г. Общинное владение и частная собственность // Тернер Ф.Г. Крестьянское землевладение. Б. М., 1903.
9. Харизоменов С. Значение кустарной промышленности. // Юридический вестник 1883.
10. Вопросы, возникающие по предмету улучшения быта крестьян. Извлечение из данных, представленных губернскими совещаниями Министерству внутренних дел / Сост. Ф.Г. Тернером. СПб., 1902.
11. Вихляев П.А. Население и промыслы травопольного района. Вып. 9. М., 1915.
12. Историк Б.Н. Миронов на основе представительного статистического материала обосновал тенденцию поэтапной трансформации патриархальной семьи в нуклеарную. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2 тт. СПб., 2000. Т. 1.
13. Свод законов Российской империи. Кн. 3. Т. IX. Особое приложение к т. IX. СПб. 1912.
14. Столыпин П.С. Программа реформ. Документы и материалы. В 2 тт. М., 2002. Т. 1.

Женские съезды как часть пространства коммуникации феминисток в России начала XX в.

к.и.н. Крадецкая С.В.
 Университет машиностроения
 susanna.mosca@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена съездам, проводившимся на базе феминистских организации в России в начале XX в. Делается вывод о значимости подобных акций с точки зрения формирования особых пространств общения и взаимодействия активисток феминистского движения.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданские ценности, коммуникация, дискурс, феминизм, съезд

При изучении гражданского общества чрезвычайно важным является исследование процесса формирования всех его составных частей, к которым традиционно относят различные ассоциации, представляющие интересы «свободных, рациональных и активных личностей» [19, с. 290]. В ходе своей практической деятельности эти организации создавали особые коммуникационные пространства, где закреплялись базовые для гражданского общества ценности. Исследователи определяют эти пространства как своеобразные места взаимодействия, общения, доступные не только членам той или иной организации, но открытые всем [18; 17]. Именно в этих «пространствах инициативы и автономии» проявлялся, по выражению Дж. Брэдли, «потенциал гражданственности». Здесь люди «познавали общество и обща-